

2015-04-24 Позиция России уязвима, хотя должна была быть безупречной, – мнение

Недавнее интервью, которое дал министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров, вновь подняло все те вопросы, которые по крайней мере год уже стоят перед современной Россией в сфере внешней политики.

Пока подход МИДа показывает, что у современной России просто еще не сложились те стратегии поведения, которые можно эффективно использовать для того, чтобы последовательно и цельно отстаивать интересы страны на международной арене в тот момент бури, в котором мы все оказались.

И именно отсутствие такого рода стратегии и оставляет после интервью множество вопросов. Позиция России уязвима, хотя должна была быть безупречной.

Безусловно, в центре дискуссии был вопрос Крыма, Новороссии и Украины – как и последовавшее сразу же за прошлогодним обострением всего этого клубка проблем охлаждение отношений России со странами ЕС и с США.

Итак, Лавров заявил, что «крымчанам была уготована та же участь, что и людям, выступившим против Майдана» – и именно это подвигло Россию на активные действия в прошлом марте.

Вопрос: в ситуации уже гораздо более явного насилия, а отнюдь не угрозы его применения со стороны киевского режима в Донбассе, позиция России оказалась гораздо более несмелой – и даже в чем-то противоположной крымскому сюжету. Почему?

Отсылка же в рамках единой беседы к Сталину и, опосредованно, к Хрущеву как к творцам границ нынешней Украины, в общем-то, поставила на одну доску и уравнила в легитимности как передачу Крыма, так и передачу Донбасса в состав Украинской ССР.

В таком варианте пересмотра границ «образца 1991 года» неизбежно возникает и целый ворох сопутствующих проблем, которые и требуется оформлять и решать дипломатам самого высокого уровня.

Попытка же трактовки сюжета в виде «тут играем, тут не играем, а тут рыбу заворачиваем» приводит именно к тому, к чему она привела Россию в текущей ситуации: апелляция к тому, что США имеют две позиции по «любимым режимам и по режимам, от которых они хотят избавиться», и, в зависимости от этого, либо поддерживают террористов, либо борются с ними, упирается в ответном слове в то, что Россия проводит разную политику по отношению к «территориям, которые она хочет защитить и которые она защищать не хочет».

В применении, конечно же, к весьма различным сюжетам Донбасса и Крыма – при всей похожести их исторической судьбы вплоть до 2015 года.

Еще один важный пример: борьба с международным терроризмом, который вот уже не первый год числится в списке главных угроз существованию России наряду с организованной преступностью. В беседе речь зашла об «Исламском государстве» (ИГИЛ) – полугосударственном образовании, возникшем и окончательно оформившемся на территории Сирии и Ирака в прошлом году.

В недавней прямой линии президента России Владимира Путина прозвучало четкое мнение о том, что «для нас, конечно, прямой никакой угрозы от ИГИЛ нет», что, в общем-то, соответствует действительности: на фоне всеобщего обострения мировой обстановки у России хватает и своих проблем на гораздо более близкой Украине, на Кавказе или же в потенциально взрывоопасной Средней Азии, которая может буквально взорвать всё мягкое «подбрюшье» России.

Позиция же Сергея Лаврова оказалась противоположной позиции президента: «Я считаю, что ИГИЛ наш просто главный враг на сегодняшний момент».

Странно, не правда ли?

Имея нерешенную проблему у себя под боком, зачем-то лезть через полмира, чтобы объявить ИГИЛ самой важной проблемой и первым врагом России.

В принципе, такую позицию могут занимать США, которые называют своими главными врагами «лихорадку Эбола, ИГИЛ и Россию». Им надо бороться за мировое господство, у них и враги соответствующего калибра. А какова мотивация России в назначении «Исламского государства» главным врагом? Почему это не Бурунди или Непал?

Слушаем: «Хотя бы по одной причине – сотни граждан России, сотни европейцев и сотни американцев воюют на стороне ИГИЛ».

Позвольте, а сколько россиян-добровольцев воюют в Новороссии? Единицы? Десятки? Или все-таки тысячи и тысячи? Сколько граждан России помогает ЛНР и ДНР гуманитарной помощью и деньгами? Десятки тысяч – или сотни тысяч?

Сергей Лавров говорит, что «они повоюют, повоюют, а потом как бы на отдых и для собственного развлечения будут устраивать гадости у себя дома». Имея в виду, конечно же, далекое ИГИЛ, но забывая при этом о гораздо более близких Украине и Новороссии, которые уже мобилизовали на длящийся гражданский конфликт десятки тысяч людей, а вовлекли в него и того больше – десятки миллионов.

Что говорить, если только беженцев на настоящий момент учтено уже более миллиона только в одной России. Как МИД воздействовал на прошлый процесс удержания Украины, и что он будет делать в дальнейшем? Когда все эти люди, причем с обеих сторон конфликта, «поедут на отдых»?

Прозвучали и очень простые вопросы, адресованные лично министру Лаврову. Например, чем таким отличился посол Зурабов в стольном граде Киеве и каким образом он столь бездарно упустил ситуацию на Украине? На что последовал логичный, но слишком уж очевидный ответ Лаврова о том, что «посла назначает президент».

Правильно, а кто руководит послом после назначения? Может быть, все-таки МИД?

И если работа Зурабова «оценивается МИДом по окончании года», то как оценивает работу посла Зурабова сам Лавров? «Всё хорошо»? Или же «есть отдельные недочеты, но Украину мы таки потеряли...»?

Конечно же, отдельного обсуждения стоит позиция Сергея Лаврова по отношению к США и ЕС.

Если с одной стороны говорится, что Штаты – это источник почти всех войн за

последнее время, если открыто признается, что Вашингтон и Брюссель всячески способствовали перевороту на Украине и разжиганию конфликта в Донбассе, если говорится, что «для ликвидации одного человека США устроили войну при поддержке головорезов» – то как со всем этим жить дальше? Как называть таких внешнеполитических игроков? «Партнерами»?

Может быть, все-таки назвать кошку кошкой и хотя бы один раз сказать «нет»?

Нет – агрессии Америки в большинстве стран, нет – двойным стандартам, нет – перевороту на Украине, нет – войне в Донбассе, нет – послу Зурабову.

Время козыревского «чего изволите» уже давным-давно прошло. Мир снова погружается в зону турбулентности – и Россия отнюдь еще не сформировала стратегию выхода из нее. Пока мы не слышим молотовского «Нет!».

А пора бы уже услышать.

Алексей Анпилов

[Источник](#)